

Третий

Владимир Яценко

Рехнуться в космосе — плевое дело. А на высоте семисот километров над фотосферой Солнца для этого дела и плевать не надо: когда выгорит последняя отражательная пластина в любой из кассет экрана, от меня даже плазмы не останется. Есть от чего вздрогнуть. Наверное, поэтому меня ничуть не обеспокоил строгий, чуть хриплый голос:

— Кто здесь?

Ему немедленно ответил тонкий детский голосок:

— Где?

— Спроси лучше «когда», — отозвался хриплый.

Голоса звучали отчетливо, ясно. Как если бы у меня за спиной кто-то беседовал со своим любознательным сыном. Я обернулся. Зря, конечно.

Людей я не увидел. Звезд и черной глубины космоса тоже не наблюдалось — мешал слой багровой протоматерии примерно в полукилometре над головой. Слой заметно зеркалил, и я мог видеть себя — крохотного себристистого муравья, ползущего по серой, теневой стороне Зонта. Муравей был жалок и несчастен. Он толкал тележку с кассетой светоотражающих пластин, страдал и потел. Зонт в этом ракурсе уже не казался достижением технической мысли человечества. Десять гектаров тени на фоне безбрежного, в полнеба, Солнца напоминали погребальный плот, а не убежище.

А ведь был еще эруптивный протуберанец, фиолетовые контуры которого все отчетливее проступали сквозь кисею протоматерии. Эта штука, размером с сотню таких планет, как Земля, имела температуру пять тысяч градусов и через несколько часов должна была рухнуть мне на голову. Как только это случится, я умру. А значит, закончится наша беседа. Жалко, правда? Только ведь начали...

Кстати, меня зовут Иван. Ударение на первой букве, если не затруднит. Не думаю, чтобы это имело значение, но даже в последние минуты хочется быть тем, кем был при жизни, верно? И чтобы эти минуты были свободными от недоразумений, уточню: героизма в моем положении нет — всего лишь жадность и невезение.

Разумеется, жадность. Погнался за премиальными. «Кто глубже в Солнышко нырнет, большую денежку найдет». Донырлся! Как оказался в такой близости от светила — понятия не имею. Критическим приближением Зонта к Солнцу полагают сто тысяч километров, я — на семистах, а как это получилось и чего делать дальше, спросить не у кого: связь не работает.

— Предлагаю обсуждать вопросы в порядке их поступления, — между тем сказал Хриплый. — Я из этой звездной системы. Четвертая планета.

— Я был там, — ответил ребенок. — Тупая растительная жизнь. Разума не обнаружил. Я — с пятой.

ФАНТАСТИКА

— Ты сам тупой! — обиделся Хриплый. — Нет никакой пятой. Пояс астероидов — вот что такое твоя пятая.

— Блин! — В голосе ребенка послышалось отчаяние.

— Почему «блин»? — поинтересовался Хриплый.

— Хрен знает!.. — Ребенок немного помолчал и добавил: — Только не спрашивай. Я не имел в виду растение. Я вообще ничего не имел в виду.

Отражательная сторона Зонта не рассчитана на такую мощность излучения и поэтому стремительно выгорает. Сотовая архитектура: каждая ячейка — это кассета с отражательными лепестками. Когда обращенная к Солнцу пластина приходит в негодность, на ее место поднимается нижняя. Будто патроны в обойме пистолета. Когда сгорит предпоследняя, на индикаторной панели загорается сигнал тревоги. Тут-то и мой выход. Ну а если не успел или кассеты закончились, значит, самое время отправляться к праотцам. Но до этого еще далеко. На психотренингах нам советовали думать только о позитиве. Вот я и думаю — в духе и соответствии.

И вы не волнуйтесь. В космосе волнение вредит здоровью. Вот я, к примеру, совершенно спокоен. Потому что точно знаю: до прихода факела кассет мне хватит. Ну а после кассеты будут не нужны. И воздух мне не будет нужен. И это важно! Поскольку воздуха у меня нет. Вернее, он есть, но мало, часов на десять. А если скорость выгорания пластин не изменится, то кассет хватит часов на шесть. Фиолетовый факел упадет через три часа. Все сходится. Ура! — меня не успеет прикончить лучевая болезнь. Дозиметр я отключил еще два часа назад, ибо трещит, как проклятый, от позитива отвлекает. Надоел! Так что точно сказать, какую дозу я принял, не могу, но что за полтыщи бэр перевалило — уверен.

Поэтому совершенно не о чем беспокоиться. Полный порядок. Просто нужно быть внимательным: индикаторная панель расположена на манжете правой руки. Нетрудно проморгнуть требование системы заменить кассету — руки-то заняты! После получения тревожного сигнала следует уточнить адрес и, осторожно переставляя магнитные башмаки, дотолкать к нужному месту тележку. Поле Зонта — это «пчелиные соты» на шестьдесят тысяч сегментов. Легко ошибиться... Представляете сюрприз: замещаешь «здоровую» кассету, а в двух шагах от тебя прорывается первый ослепительный луч! Красиво, наверное. Но фатально: на лекциях нам объясняли, что при таком раскладе Солнце выпарит всю конструкцию изнутри примерно за полторы минуты. Жест!

— Не будем отвлекаться, — строго сказал Хриплый. — Первым был вопрос «кто?». Давайте для упрощения отождествим собственные имена с номерами наших пла-

нет? Я — Четвертый. Прибыл к светилу с исследовательскими целями. И я — действительно растение.

— Ладно, я — Пятый, — уныло представился тот, кто говорил как ребенок. — Я — насекомое. Здесь тоже из любопытства... И че, совсем-совсем ничего от моей планеты не осталось?

— Прекратить ныть! — приказал Четвертый. — Увлечись исследованиями, мы опустились ниже горизонта событий и сейчас находимся вне времени и пространства. Моя раса разработала математические модели, которые допускают возможность подобных ситуаций.

— Но из этого следует, — сказал Пятый, — что мы не сдохли насовсем. Коль скоро нас тут двое, значит, другие представители наших рас не попали в эту ловушку...

— А это может означать, что мы благополучно выбрались и рассказали у себя дома об опасности звездных погружений, — подхватил Четвертый. — Это обнадеживает... Ну хорошо, с «кто» и «где» вроде бы разобрались. А что у нас с «когда»?..

Рельсы приводят к оранжевому квадрату с нужным номером. Устанавливаю тележку строго по маркерам и нажимаю кнопку «замена». С моего места не видно, но я знаю, что под тележкой распахиваются створки и автомат выдавливает сменную кассету на место отработанной. Вся процедура длится секунду, может, две. Поворачиваюсь и тяну транспорт назад, к пакгаузу. Вибрация шплинтов скольжения в пазах направляющих рельсов хорошо чувствуется через рукавицы. Вот-вот загорится тревожный сигнал с новым адресом. Нужно, чтобы к этому времени свежая кассета уже лежала в захватах, а сама тележка стояла на поворотном кругу железнодорожного терминала.

Из округлого бока склада уродливым горбом выпирает модуль жизнеобеспечения — размером и формой с дачную уборную. Это оттуда я управлял двигателями, спрятанными в тени Зонта. Дюзы направлены в сторону, противоположную моему движению по орбите. Предполагалось, что, отработав ресурс на минимальном, но расчетном расстоянии от Солнца, я запущу двигатель и они по раскручивающейся спирали вынесут меня к челноку, который снимет с датчиков добытую информацию и заменит пилота. То есть меня. Да!

Это очень хороший план! Замечательный план! Замените меня! Срочно!

Останавливаюсь и чуток добавляю кислорода в дыхательную смесь. Мне только истерики не хватало.

Чтобы успокоиться, оглядываю двигатели: большие! огромные! надежные! гордость российского космпрома! Жаль, горючего нет — спалил я все к едрене фене, пытаюсь выбраться. Зато орбиту стабилизировал!..

— У меня на родине думают, что Солнцу три миллиарда лет, — сказал Пятый.

— А у нас полагают, что оно на миллиард лет старше, — отозвался Четвертый.

— Что такое, по-твоему, «лет»? — поинтересовался Пятый.

— Забавно. Я почему-то взял за единицу отсчета период обращения третьей планеты. Такое впечатление, что я думаю чужими мыслями.

— Так само (??), коллега. Прости за скудость тезауруса и фиговость логических связей...

— Опять обостряешься?

— И не думал. Не знаю, отчего все время на растения пробивает.

— Общие представления о мире также не радуют широтой, — подытожил Четвертый. — Я не могу адекватно формулировать мнение. Это смущает. Почему мы слышим друг друга?..

Предчувствия не обманывают: едва успеваю закрепить кассету, как на манжете вспыхивает новый тревожный номер. Разворачиваю круг и выгоняю тележку на нужную радиальную магистраль. Постукивая магнитными башмаками, иду с грузом к ячейке, которая нуждается в срочной замене. Тяжко, душно, жарко. Эта процедура должна исполняться автоматом. Но он сломался, не выдержал плотности электромагнитного излучения. Человеческие мозги и плоть оказались крепче стали и транзисторов

По стрелке перехожу на нужную дугу.

Зачем я это делаю?

Мне — конец. Кажется, уже говорил. Протуберанец, кислород, радиация. А еще никто не придет на помощь...

Добираюсь до проблемной ячейки и нажимаю кнопку замены.

Все время хочется смахнуть пот со лба. И утереть сопли — губы и подбородок мокрые. Железо и соль... вкус крови.

Не хочется умирать...

— Склонен полагать, что наши мысли встречаются в каком-то буфере. Предлагаю называть его «Третий», поскольку мы воспользовались летосчислением третьей планеты.

— Третья стерильна! — Детский голосок Пятого полон удивления. — Вулканы, грозы, ультрафиолет...

— Это в вашем времени, — замечает Четвертый, — миллиард лет спустя там стало довольно любопытно. Но может, не стоит сердить условно Третьего? Тем более что он предоставил нам возможность общения?..

— Не совсем так, коллеги, — вклинивается новый голос, женский. — Я — Вторая. Коммуникация и в самом деле обеспечивается посредством Третьего. Но моими силами. Электролит-коллоид по каким-то причинам не отзывается, но я уверена, что он нас слышит.

— Привет, Вторая! Я — Четвертый.

— Привет, Вторая! Я — Пятый.

— Я — Вторая, привет всем. Предлагаю обсудить порядок эвакуации...

Надо было признать, что голоса за спиной неплохо скрашивают последние минуты. Что и говорить, смерть — странная штука: думаешь, чувствуешь, живешь, и вдруг бац! — ничего. Но ведь учили: «что-то» не может превратиться в «ничто». Как и «ничто» не может породить «что-то». Значит, есть где-то емкость, из которой мы все берем и куда уходим в конце.

Когда администрация проекта «Солнце для всех» развесила на биг-бордах слоган «Обогащайтесь с нами», я ни секунды не раздумывал: как посадил пассажиров, так и заехал в ближайший офис Компании. Документы всегда с собой. Потом были слезы Насти и круглые глаза Алешки: папа — космонавт! Сыну не объяснить, а Насте — лучше моего понимала, что жизни нет. Бедность у опасной черты, ниже которой только нищета. На еду как-

то хватало, а вот за квартиру заплатить — не всегда. Так что размышлений — ноль. Мне дали шанс, и я за него ухватился. Потом медкомиссия, тесты, лекции, тренировки, симуляторы... и горы бумаг: отказ от претензий в случае увечья, завещание на случай смерти, «о рисках предупрежден», «с техникой безопасности ознакомлен». А теперь я провалился на Солнце.

И черт подери, это здорово! Потому что в страховку я вбухал всю первую получку. А платят таким, как я, будь здоров! Остается немножко потерпеть, и моя семья получит достаток.

— Принято, Вторая. Я — Четвертый. У меня сгорел двигатель. Движение ограничено маневрированием неподалеку от светила. Зато силовой агрегат исправен. Энергии хватит, чтобы убраться за орбиту девятой, но не к чему эту энергию приложить.

— Я — Пятый. Обратная картина. Все работает, но не хватает мощности, чтобы оторваться от звезды.

— Вторая. Только каботаж. Маршевые двигатели не предусмотрены конструкцией. К фотосфере меня опускали на силовом тросе. Вы можете объединить свои устройства?

— Для этого нужно уточнить...

Минут десять они уточняют, перемежая мудреные термины с родными и понятными «фиговинками», «фигнюшками» и «пришпандорить». Потом Пятый заявляет:

— Нифигасе! Кажется, вдуплился, ой! Я не о растении... Но для монтажа узлов нужна тень. Чтобы совместить энергетическую установку Четвертого с моим локомотивом, нам обоим придется выключить защиту. В такой близости от Солнца — это верная смерть.

— Есть еще одно, — хмуро говорит Четвертый. — Мы в «нигде» и в «никогда». Объединив усилия, мы уйдем на безопасное расстояние от звезды, но как нам попасть в свое время?

— Начнем с объединения, — перебивает Пятый. — Ноль навигации. Я понятия не имею, где нахожусь.

— Аналогично, — признает Четвертый. — Как же мы встретимся, если не можем определить местоположение?

— И где мы найдем тень от звезды? Здесь повсюду звездеч!

Множественное расщепление личности успокаивало. Ведь если бы, скажем, моя деформированная близкой кончиной психика порадовала раздвоением, мне пришлось бы последние часы провести в бесплодных спорах с самим собой о том, кто из нас главный и кому умирать взаправду, а кому только «кино смотреть». А так — я просто слушал базар осколков разума, не напрягаясь, без тревог и волнений. Это примерно как наблюдать за рыбками в аквариуме.

Вы только не подумайте, что я и по жизни тормоз. Ничуть! Просто весь этот не улыбок как-то на руку: крутиться, как вошь, за копейку достало. А для настоящих денег мозгов не хватает. Вот и выходит, что для моего семейства мертвый отец лучше живого. Пенсия, страховка... Мне и за тысячу лет таких денег не наишачить...

Тут шевельнулась предательская мысль: что-то уж слишком я на финансовую сторону налегаю. Это я так угариваю себя не истерить?

И диарея замучила. Кишечник решил сагонизировать

ФАНТАСТИКА

первым. Интересно, на сколько литров рассчитан калоприемник скафандра? Когда-то знал...

— Придержите языки, мальчики! — В голосе Второй усмешка. — У меня с навигацией порядок. Вижу вас и вижу тень. Интересует?

— Интересует!

— Ясен день!

— Вторая — Пятому. Не поняла.

— Четвертый — Второй. У Пятого проблемы со словарным запасом Третьего. Тезаурус на четверть из жаргона. Пятого вопрос навигации тоже интересует.

— Вторая — всем. Наблюаю объект с огромной площадью тени. Готова сообщить ваши координаты и координаты точки рандеву. В обмен на свою эвакуацию, разумеется.

— Я — Пятый. Согласен. Уточните систему отсчета.

— Расстояние до центра, угол к экваториальной орбите, время прохождения зенита...

— Неплохо. Что у нас будет экватором? Это Четвертый спрашивает.

— Я — Пятый. А как мы отличим зенит от надира?

— Экватором назовем область поверхности светила с минимальным периодом вращения, зенитом будем полагать точку, из которой вращение светила будет наблюдаться по часовой стрелке...

Их изысканная терминология опошляется массивами чисел, а я, получив новый тревожный сигнал, спешу в западный сектор. По-прежнему не могу понять, зачем я все это делаю. Как будто есть разница: умереть часом раньше или часом позже. Какой прок в оттягивании неизбежного? Но с другой стороны, разве возможность — не побуждение к действию? Если можешь, значит, должен. Не к этому ли сводится необходимое условие выживания?

Не исключено, что моя алчность не стоила бы мне жизни, будь моя лохань хоть чуточку мощнее и современнее. Но чего нет, из-за того умираю. Думаю, что некоторые узлы и механизмы еще помнят времена Юрия Гагарина. Удивляться нечему: в последней империи строили на века, а нынешние корпорации — босота, экономят, на чем могут. И даже исследования Солнца, сулящие запасы энергии на миллиарды лет вперед, стараются проводить на оборудовании прошлого тысячелетия.

И теперь мне помочь может только волшебник. Тот самый, что в голубом вертолете. Или из диснеевского мультфильма про Аладдина... тоже голубой, нифигасе! А какого черта все эти волшебники голубые? Интересно, они только «своим» помогают?

Меня все-таки вырвало...

— Пятый — всем. Я на месте. Здесь действительно до фи́га тени.

— Я — Вторая. Уточните, «до фи́га» — это достаточно для ремонта?

— Я — Четвертый. Вижу тень. Вижу Пятого. Тени хватает, чтобы начать работу.

— Я — Вторая. Вижу вас, мальчики. Плохие новости. Объект на грани разрушения. На нас опускается облако плазмы. Исполнительное устройство, которое обеспечивает функционирование объекта, нестабильно. Нужно торопиться!

— Приступаем...

Противно. Пузыри от рвоты свободно плавают около щек и носа, внутреннее стекло шлема в кляксах крови, да и сам я в слезах и в поту. Как это замечательно, что Алешка никогда не узнает, как умирал его отец! В слезах, дерьме и рвоте... Если, конечно, «голоса за спиной» ему не расскажут...

Неожиданно приходит в голову, что «голоса» могут принадлежать реальным существам. Идея спасения шокирует. Я так свыкся с безысходностью, что непрошенная надежда оглушает. Смена кассеты и возвращение к складу требуют значительных усилий. Едва сдерживаюсь, чтобы не бросить все к чертям и не начать поиски инопланетян. Но дисциплина побеждает: только после того, как очередная кассета уложена на тележку, внимательно осматриваюсь. Что, если родня по разуму под «тенью объекта» понимает тень моего Зонта?

И вправду, прямо над головой что-то темнеет. Расстояние не разобрать, перспективу смазывает приближающийся фиолетовый факел. Вновь оживает индикатор состояния зеркала. Начинаю тревожиться: а хватит ли кассет, чтоб дотянуть до огненной топки протуберанца? Почему-то начинаю «болеть» за него. Он на тысячу градусов холоднее Солнца. Я же не враг себе? Конечно, пусть первым будет факел. Он прохладнее... Я сделаю только пшс-с-с... — раз и все. Как зуб вырвать. Даже быстрее...

— Четвертый — Второй. Реконструкция закончена. В качестве дока для вашего аппарата предлагаю грузовой трюм. Подтвердите согласие.

— Вторая — Четвертому. Вижу ворота трюма. Масштабы у вас! Влетаю...

— Пятый — Четвертому. Преобразователь к работе готов. Энергия ваша. Взятся на жесткий швартов.

— Принято, Пятый. Проверка работоспособности локомотива удовлетворительна. Все готовы к отправке?

— Я — Вторая. Готова.

— Я — Пятый. Мотаем отсюда.

— Нет, — говорю я вслух. — Надеюсь, что я — Третий. Я не готов. Возьмите меня с собой, пожалуйста.

В глазах темно, я дрожу, и меня вот-вот опять вырвет. Едва не пропускаю очередной сигнал смены кассет.

— Пятый — Третьему. Сообщите, где находитесь. К нам приближается облако плазмы.

— Где нахожусь? — отрываю взгляд от тележки. Пот застилает глаза и висит мутными каплями на бровях. Но темное пятно на фоне косматого протуберанца вижу отчетливо. — Прямо под вами я нахожусь. Спускайтесь!

— Разумеется! — Темное пятно становится ближе. — Уточните свое положение.

Я и рад ответить, но меня отвлекает кассета. Две секунды на замену. Все! Никакого пакгауза. Бежать!

— Да вот он я, здесь! — поднимаю в призыве руки и вдруг касаюсь чего-то вязкого. — Что за черт!

— Внимание! Столкновение! Третий, мы столкнулись с исполнительным механизмом. Уточните свое положение.

С ужасом смотрю на руку. Перспектива вернулась. Темный предмет расплывчатым облаком блуждает над головой. Он не больше футбольного мяча.

Он слишком мал!..

От ужаса хочется выть. Шатаются зубы. Рот полон крови. Сглатываю.

— Я прямо под вами. Похоже, что «исполнительный механизм» — это и есть я.

Пауза.

— Это Пятый. Я могу поделиться с Третьим энергией.

— Мои двигатели на химическом топливе, — отвечаю и вздрагиваю: опять тревожная индикация. Мне нужно сменить кассету в Восточном секторе. — Спасите меня, братцы!

Мой голос стал хриплым. Время вышло. Пора говорить миру «прощай».

— Это Вторая. Я могу...

— Ты ни черта не можешь! — От собственного крика гложу. Возникает идиотское желание убавить громкость ларингофона. — Ты будешь жить, сука, а я содохну!

— Почему «сука»? — интересуется Вторая.

— Потому что мешаешь работать! — Я с остервенением стучу башмаками по обшивке, тороплюсь с тачкой к складу.

Должен успеть!

— Работать? — удивляется Вторая. — Уважаемый Третий. В этих условиях нельзя работать. Приближается облако ионизированной плазмы. Вы погибнете.

— Зато на посту, — гундосю, не в силах понять, отчего плачу через нос. Потом понимаю, что это не слезы, а кровь. — Моей родне до фи́га заплатят, — обессиленно шепчу, как молитву. — Жена, сын. Гробовые, страховые, пособие по утере кормильца... Все схвачено! Еще и внукам хватит. Начало династии, блин!

Качу долбаную тележку по долбаной колее, чтобы продлить долбаную жизнь еще на несколько долбанных минут. Какого черта я это делаю?

Господи Боже мой! Спаси меня! Я все для Тебя... Тебе... ТВОЮ МАТЬ! ВЫТАЩИ МЕНЯ ОТСЮДА!

— Третий неадекватен, — говорит Вторая. — Если можете с энергией, скопирую его матрицу.

— На что? — спрашивает Пятый.

— На факел. Если промодулировать облако плазмы психоматрицей Третьего, то существо обретет стабильность на другом физическом носителе. Нет разницы: ионы в электролите или ионы в плазме. Заряды, они всюду заряды. Заряды и поля.

Почему бы им не оставить меня в покое? Истерика кончилась. Остались только чувство опустошения в кишечнике и сильнейшая головная боль.

Заменил кассету и поплелся с тачкой обратно к складу. Загорелось сразу три тревожных ячейки. А вот теперь точно всё. Амба. Не фиг и пытаться.

Опускаюсь на колени и колочу кулаками по обшивке. Не с тачкой тут надо было ходить, а с ломиком. Разнести эту дуру вдребезги и напололам!

— Если скопировать Третьего на протуберанец, то сам Третий все равно погибнет!

— Необязательно. Его сознание очнется на новом но-

сителе и, возможно, что-нибудь придумает.

— Ты все-таки прибавь послушания и повинования, — обеспокоенно советует Четвертый. — Третий нас спас. Мы должны для него что-то сделать.

— Сделаем-сделаем, — обещает Вторая. — В новой матрице сохранятся и наши личности. С опытом и знаниями трех цивилизаций... я думаю, что синтетическое существо сумеет помочь не только ему, но и нам.

— Нам?

— Вернуться в свое время, — напоминает Вторая.

— Зашибись! — приходит в восторг Пятый. — У этого существа появятся новые, необычные свойства! Третий, Вторая сделает из тебя Бога!

— На фига? — шепчу. Хочется, конечно, крикнуть, но то ли сил убавилось, то ли запал иссяк. — Не делайте из меня кумира, дайте лучше денег!

Они молчат.

Зуд на голове доводит до исступления: выпадают волосы? Сколько же мне осталось? Где этот чертов факел? Почему я все еще жив?

Смотрю вверх, и становится не до вопросов: слой протоматерии растаял, испарился, а вместо глыбы пылающей смерти вижу свое синее лицо. Ну да, мое. Вон даже царапина от бритвы на левой скуле. Это я порезался, когда старпом по общей связи меня на летную палубу позвал. Не моя была вахта. Без очереди на смерть пошел... за сверхурочными.

Лицо дрогнуло и расплылось в улыбке. Губы шевельнулись, мелькнул лиловый язык.

Ну и рожа!

В наушниках шипит, сквозь помехи явственно слышит-

ФАНТАСТИКА

ся знакомое слово. Неужели эта штука разговаривает?

— Слушаю! — говорит Лицо.

В ста метрах слева из-под поверхности прорывается ослепительный луч света. Лицо недовольно морщится, мигает, и вновь приходят сумерки — нет луча. Пропал. Вокруг только голубая, в синюшном освещении протуберанца, «изнаночная» сторона Зонта.

— Слушаю! — повторяет Лицо.

На индикаторной панели расцветает гирлянда тревожных сигналов. Присаживаюсь на тележку. Ясно, что не успеть. Хоть отдохну перед смертью...

Но с отдыхом тоже не ладится: в невесомости не посидишь. Только силы тратишь на удержание ног в согнутом положении. Вот ведь не прет!

— Слушаю и повинуюсь! — отчетливо звучит в наушниках.

